ВОРЪ.

— Вотъ сторона, сказалъ пономарь, вошедши въ избу свою, гдѣ у него сидѣло нѣсколько гостей: — вотъ сторонка! а, чтобъ ихъ!.. У меня ночью съ тележонки колесо сняли! Вотъ не дрогнули бы руки этакаго мошенника на первой осинѣ повѣсить, какъ окаяннаго!

— Оно правда, сказалъ одинъ изъ гостей, старикъ съ почетной бородой: — что воровство ремесло плохое, и ворамъ спускать нечего; однако, сватушко, не проклинай его: воръ вору рознь.

— Какъ такъ? спросилъ пономарь: — спасибо что ль я ему скажу, что онъ у меня, мошенникъ этакой сущій, укралъ колесо? Какъ же такъ, что по твоему воръ вору рознь? По мнѣ укралъ, такъ укралъ, и на осину его!

— А вотъ какъ, сватушко: примѣромъ сказать, коли воръ твой, что снялъ у тебя колесо съ тележонки, надѣлъ его подъ свою

телегу, по нуждѣ, да на немъ уѣхалъ, такъ это одно дѣло; коли онъ продалъ его, да купилъ хлѣба, такъ это другое; а коли онъ пропилъ его, отдалъ за стаканъ вина — такъ это опять третье; а еще, сватъ, вѣдь и это не одно, наткнулся ли воришко твой на этотъ грѣхъ, или затѣмъ пошелъ; въ первый ли разъ его попутало, аль ему дѣло это привычное.

— Правда, сказалъ третій гость: — вѣдь убить человѣка — не шутка, не воровству чета, да и то не ровёнъ часъ, не ровёнъ случай. Сказываютъ бывальщинку къ этому случаю, что–де какой–то курскій воръ сталъ грабить хохла, подсидѣвъ его на большой дорогѣ; хохолъ такъ оробѣлъ, что не смогъ и противиться: Курянинъ повалилъ мужика, прижалъ колѣномъ, да выхвативъ ножъ положилъ его подлѣ на землю, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «Господи, благослови *сороковаго!*» Какъ хохолъ мой услышалъ это, такъ откуда у него рысь взялась: исплошивъ Курянина, выскочивъ изъ–подъ него да поваливъ его самого, онъ насѣлъ на

него, да ухвативъ ножъ, сказалъ: Господи, благослови *перваго и послѣдняго!* Такъ тутъ не одно, что Курянинъ бы зарѣзалъ хохла, аль хохолъ Курянина.

— Это другое дѣло, возразилъ пономарь: — извѣстно, для спасенія живота своего всякая тварь посягательствуетъ; за это и Богъ проститъ; а вору всякая мука по–дѣломъ, воръ идетъ на то, чтобъ человѣка обидѣть, вопреки законовъ Божескихъ. Сказано: не укради: воръ всяческое разореніе чинитъ и не кается, злобствуетъ противу рода человѣческаго; поваженный, что наряженный, кто разъ укралъ, воровать не перестанетъ; исправленіе вору — петля, да осиновый сукъ.

— Постой же, сватушко, остановилъ его первый: — ты выслушай теперь мою бывальщину: не о колесѣ твоемъ рѣчь; кто его укралъ, можетъ–статься, и стоитъ того, чего ты ему сулишь, про это я ничего не знаю; да за споромъ дѣло стало, такъ выслушай теперь, что я тебѣ скажу.

— Жилъ–былъ богатый мужикъ; что ему дѣлается — всего вдоволь, такъ, что въ избѣ тѣсно всему добру; онъ пристроилъ клѣть, да туда и сложилъ все залишнее. Богатому не спится, богатый вора боится, такъ и нашъ мужичокъ, нѣтъ–нѣтъ, да и выглянетъ опять ночью на дворъ, чтобъ не было изъяну. Разъ также вышелъ онъ, да и сталъ прислушиваться: ему послышалось, будто кто прошелъ подлѣ клѣти, словно солома подъ ногами прошелестѣла. Притаивъ духъ, хозяинъ мой опять услышалъ какой–то шорохъ и пошелъ красться, какъ подъ волка. Добравшись до клѣти, онъ сталъ поглядывать изъ–за угла: анъ кто–то смотритъ на него изъ–за другаго угла. Хозяинъ откачнулся за уголъ, подумалъ, да опять выглянулъ, а тотъ тоже себѣ, да опять–таки на него глядитъ. Не знаю, долго ль они этакъ въ переглядушки играли, только–что воръ сталъ посмѣлѣе, высунулся на половину — и хозяинъ тоже, и глядятъ другъ другу прямо въ глаза. — «Что, братъ», спросилъ воръ потихоньку: «и ты некакъ на промыселъ вышелъ?» —

Нешто, землякъ, какъ видишь. — «Такъ пойдемъ, братъ, вмѣстѣ: и добыча, и грѣхъ и горе, все пополамъ». — Ладно, пойдемъ, да куда же? — «Да не знаю, братъ; я–то человѣкъ небывалый, признаться, еще въ первый разъ вышелъ — и страшно, да нечего дѣлать; давай вотъ ломать клѣть; это хозяинъ богатый, что–нибудь да найдемъ.» — Ты въ первый, подумалъ хозяинъ: — такъ погоди жь, я тебя отважу — въ другой разъ не пойдешь. Пожалуй, давай, сказалъ онъ: — да чѣмъ ломать? есть у тебя что?» — Нѣту, братъ, ничего; развѣ поискать тутъ плахи какой, да высадить дверь.» — Погоди–ка, сказалъ хозяинъ: — у меня вотъ есть отмычки; я, видно, позапасливѣе тебя; авось не прійдется ли которая. — Самъ досталъ съ пояса ключъ и отомкнулъ клѣть. Вошли. — Вотъ, говоритъ хозяинъ: — сундукъ стоитъ, ломай — а самъ пошелъ въ сторону, пошарить топора, либо безмена, чтобъ окрестить имъ вора. «Богъ съ нимъ», говоритъ этотъ: «и съ сундукомъ; мнѣ бы вотъ хлѣбушка найдти — а тутъ–таки

пахнетъ, братъ, свѣжимъ хлѣбомъ» — и пошелъ, потягивая носомъ. — Постой, сказалъ хозяинъ, вотъ я нашелъ: и подалъ ему съ полки хлѣбъ — а тотъ кинулся на хлѣбъ этотъ, ухвативъ его обѣими руками, и давай уплетать. — Что ты? не ужиналъ нонѣ, что ли? спросилъ хозяинъ, у котораго безменъ былъ уже въ рукѣ. «Какой ужинъ!» сказалъ воръ, а самъ, знай, ломаетъ да въ ротъ суетъ: «у меня, братъ, другіе сутки, кромѣ воды, ничего во рту не было, отощалъ совсѣмъ.» Поѣвъ немного, онъ перекрестился, забралъ съ полки цѣлый хлѣбъ, да еще начатой, который надъѣлъ, и хочетъ идти. — Что же ты? спросилъ еще разъ хозяинъ: — заберемъ тутъ еще что подъ руку попадется: тутъ добра много! «Богъ съ нимъ и съ тобою», сказалъ воръ: «и самъ не хочу и другому закажу; слава Богу, что я до хлѣба добрался, на недѣльку будетъ съ меня, а болѣ ничего не надо.» — Ну, такъ поди же сюда, возьми вотъ мѣшечекъ муки, да отнеси домой, не бойся никого: кто спроситъ, такъ скажи, что хозяинъ далъ. —

«Какъ хозяинъ? какой хозяинъ?» спросилъ оробѣвшій воръ. — Да, братъ, хозяинъ, вотъ онъ передъ тобой, и припасъ–было на тебя обухъ! — Воръ какъ стоялъ, такъ и повалился ему въ ноги — «Батюшка, не погуби!» — Вставай, я говорю, сказалъ хозяинъ, бери хлѣбъ свой, бери и муку и ступай съ Богомъ домой: счастливъ ты, что не позарился на другое добро; да смотри у меня, прибавилъ онъ, взваливая мѣшечекъ муки ему на плечо и показывая ему безменъ, котораго не выпускалъ изъ рукъ: — смотри, чтобъ впередъ нога твоя не была здѣсь, а не то я тебѣ дамъ памятку.... Воръ откланялся, побожился и зарекся, что въ первый и въ послѣдній пошелъ на такое дѣло, перекрестился и пошелъ смѣло домой.

И пономарь согласился, что воръ вору рознь и что нельзя безъ суда присуждать всякаго вора на осину.